

РОКСИ АЙНОЛ

КРАСНЫЙ СНЕГ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Рокси Айнол
Красный снег

«Автор»

2026

Айнол Р.

Красный снег / Р. Айнол — «Автор», 2026

В то утро Артур проснулся не от будильника — от криков. Ему двенадцать, и он устал. Устал от чулана, куда запирает отец. От призраков в темноте. От жизни, где единственное спасение — побег. Друзья предлагают крышу поезда. До бабушки в Питере, до свободы. Ночь. Ледяной ветер. Падение. А потом — ОН. Тот, кто называет себя Смертью. Пари: четыре дня на спасение против двадцати шести лет ада. Артур соглашается. Ведь дома он уже побывал в аду. Вопрос только в том, успеют ли его найти. И кто на самом деле придёт первым

© Айнол Р., 2026

© Автор, 2026

Рокси Айнол

Красный снег

Глава 1

В то утро Артур проснулся не от будильника.

Сначала в комнату вполз запах. Бензин — он здесь жил всегда, въелся в шторы, в одежду, в кожу. От него не спрятаться, не отмыться.

Потом пришли звуки: мамин голос, срывающийся на визг, и отцовский — тяжёлый, пьяный, чужой.

Артур открыл глаза и уставился в потолок. Трещина там была старая, знакомая — он изучил её за эти годы вдоль и поперёк. Сейчас, в утреннем полумраке, она напоминала карту железных дорог.

Можно закрыть глаза и представить, что поезд увозит тебя далеко-далеко. Туда, где не кричат по утрам.

Ему двенадцать. И он уже устал.

Раньше было по-другому. Он помнил: отец брал его за руку, они шли через весь город в парк, и рука у отца была большая, тёплая, надёжная. А мама ждала их дома, и пахло не бензином — пирогами.

Это было так давно, что иногда казалось — приснилось.

Артур зажмурился. Попытался удержать воспоминание, но оно рассыпалось, как старый снег в ладонях.

Крики за стеной стали громче. Стукнула дверца шкафа. Что-то упало.

Он сел на кровати. Пора было вставать. Пора было снова делать вид, что ничего не происходит.

В школе

В школе было утешение. Там можно было забыть про крики, про чулан, про отца, который вчера снова не пришёл ночевать.

Поэтому Артур собирался быстро и молча — привычка, выработанная годами. В свои двенадцать он умел всё: сам добирался до школы, разогревал обед, а по выходным помогал соседям чистить снег за мелочь.

Взрослым почему-то это нравилось. Они называли его «серьёзным не по годам» и гладили по голове. Артур не понимал, почему это комплимент. Просто так было надо. Если не он, то кто?

Собравшись, он крикнул в прихожую:

— Я ушёл!

Но в ответ была только тишина.

Мать, наверное, стояла у плиты и смотрела в одну точку. Отец уже уполз в гараж. Они даже не заметили, что он уходит.

Чулан

По дороге в школу Артур вспомнил, как однажды спросил у отца — от которого снова разило перегаром так, что в глазах щипало, — почему всё так стало.

Отец тогда странно посмотрел на него. Долго, мутно, будто сквозь воду. А потом взял за шкурку, как щенка, и запер в чулане.

На все выходные.

Мать иногда приносила еду, просовывала тарелку в щель и молча смотрела. С жалостью. Но дверь не открывала. Ни разу.

Артур боялся чулана до онемения. Там всегда был звук: тихое деревянное дыхание. Двери сами скрипели, сами открывались и закрывались, будто кто-то ходил внутри.

Однажды, когда отец в очередной раз запер его, Артур сунул руку в темноту — и ему показалось, что кто-то холодный дотронулся до пальцев. Он закричал, но никто не пришёл.

Он был уверен — там живут призраки. Те самые, о которых бабушка рассказывала в детстве. Только бабушкины призраки были добрыми, домовыми, они помогали по хозяйству. А эти — ждали.

Артур тряхнул головой, отгоняя воспоминания. До школы оставалось два квартала. Он прибавил шаг.

Школа

Школа встретила его гулом голосов, хлопаньем дверей и привычным запахом — тёплая смесь столовой, раздевалки и школьного мела. Здесь пахло иначе, чем дома. Здесь не пахло бензином и страхом. Здесь можно было дышать полной грудью.

Артур на секунду зажмурился, впуская в себя этот запах, а потом нырнул в толпу.

— Эй, Арт! Ты чего как вареный? — Тимофей хлопнул его по плечу так, что искры из глаз.

Артур вздрогнул, но тут же взял себя в руки. Здесь, в школе, нельзя было думать о чулане. Здесь надо было быть нормальным. Таким же, как все.

— Да так, не выспался, — буркнул он и, чтобы сменить тему, с досадой бросил рюкзак на подоконник. — Ещё два урока математики... Не выдержу!

— Да, Васильевна сегодня особенно строга, — подхватил Тимур, доставая из кармана пожеванную наклейку от жвачки и разглядывая её на свет. — Опять контроша будет. Я прямо чувствую.

Саша стоял, прислонившись к стене, и мучил свой кассетный плеер — из наушников вместо музыки несло только злое шипение. Он крутил колёсико настройки туда-сюда, но радио упрямо молчало.

— Да брось ты его, — махнул рукой Тимофей. — Сдохло твоё радио.

— Не сдохло, а настройка сбилась, — огрызнулся Саша, но плеер спрятал.

— Слышали новость? — Тимур понизил голос и оглянулся на дверь, где маячила завуч. — Мой отец вчера диск с дополнениями к «Героям 3» купил. Лицензионный, представляете? Там новые кампании, замки... Может, после школы ко мне?

— О, это идея! — Тимофей оживился так, что даже забыл про своего тамагочи, который пищал уже пятую минуту подряд. — Только мне сначала домой заскочить, ключи занести, а то предки меня прибудут. Они теперь без ключей — как без рук, сразу панику поднимают.

— А у тебя ещё «Денди» работает? — спросил Тимур у Саши. — Я бы в «Танчики» под пиццу порубился. Ностальгия.

— Какая «Денди»? — усмехнулся Артур. — Мы в «Квейк» по сети будем, если Саня комп настроит. Там графика — закачаешься.

— Настрою, — кивнул Саша. — Я вчера драйвера обновил.

— Значит, встречаемся после шестого, — подвёл итог Саша и быстро спрятал плеер под куртку — в коридоре показалась завуч, и её взгляд уже шарил по ученикам в поисках нарушителей.

Артур кивнул вместе со всеми, хотя внутри у него всё сжалось в тугий холодный комок.

Он уже придумал отговорку. Скажет, что заболел. Что бабушка приехала. Что угодно. Потому что пригласить их домой он не мог.

Если они увидят отца, услышат мамин голос, поймут, как он живёт, какие у них стены и какие запахи... Они перестанут с ним общаться. Точно перестанут.

А школа — это единственное место, где у него ещё есть друзья.

Дом

Он не знал, что в эту самую минуту происходит дома.

На плите кипела кастрюля, из-под крышки валил пар. Вера, мать Артура, стояла у плиты в застиранном халате, накрутив на голову косынку, и резала лук.

Нож стучал по доске слишком громко, слишком зло — будто она рубила не лук, а свою собственную жизнь.

Витя сидел на табурете, покачиваясь. От него разило дешёвым спиртом и холодом — он только что с улицы, из гаража, где они с «мужиками» что-то там «решали». Он пытался попасть вилкой в кусок хлеба, но хлеб упрямо уворачивался.

— Где деньги, Вить? — спросила Вера, не оборачиваясь. Голос дрожал — от усталости, от обиды, от того, что всё это уже было тысячу раз. — Ты обещал. Клялся, что сразу принесёшь домой.

Витя мотнул головой, с трудом ворочая языком:

— Ой, ну началось... Вера, не зуди. Я... я вложил. В дело. Мужики сказали, к пятнице вдвое вернём. Понимаешь ты своим бабьим умом? Мы подняться можем!

Вера резко обернулась, выключила газ — вода уже почти выкипела.

— «Подняться»? — голос её сорвался на визг. — Ты три года «поднимаешься»! У Артура в школе на завтраки три дня не сдано, я у соседки до получки перехватываю, мы мясо не видели месяц, а ты «в дело»?! Ты пропил их! Снова в том вонючем гараже всё оставил!

Витя ударил кулаком по столу — жалкая попытка изобразить авторитет.

— Цыц! Я хозяин в доме! Захотел — выпил! Имею право после смены расслабиться...

— Хозяин?! — Вера сделала шаг к нему, и в глазах её было столько ярости, что Витя даже отшатнулся. — Да ты мебель! Ты обуза! Я на трёх работах вкалываю, я эти несчастные рубли выгрызаю зубами, а ты их в глотку заливаешь! Ты хоть знаешь, что он в школу в дырявых ботинках пошёл? В 2000-м году люди в космос летают, а мой сын как оборванец, потому что отец — алкаш!

Витя вскочил — стул с грохотом упал. Он надвинулся на неё, тяжёлый, злой, чужой.

— Ты... ты на кого голос повышаешь? Ты совсем берега попутала?!

Она отступила. Уперлась спиной в холодильник. Дальше бежать было некуда.

Секунда. Две. Слышно только их тяжёлое дыхание, тиканье часов на стене да шум машин за окном — город жил своей жизнью, равнодушный к тому, что здесь сейчас разваливалась семья.

Вера посмотрела ему в глаза. Долго. Пусто.

— Уходи, — сказала она тихо, но в этой тишине было больше силы, чем в любом крике. — Пока он из школы не пришёл. Уходи.

Витя постоял, покачиваясь. Хотел что-то сказать, но только махнул рукой. Вышел в коридор, бормоча под нос:

— Дура... Совсем с ума сошла из-за своих тряпок... Психопатка...

Хлопнула дверь.

Вера осталась стоять у стола. Она прижала руки к лицу и попыталась сдержать слёзы, но они уже текли сами — солёные, горячие, бесконечные.

Пар над кастрюлей рассеивался, оставляя после себя только пустоту и запах пригоревшего лука.

Она посмотрела на часы. Артур должен был вернуться через четыре часа.

Она не знала, что эти четыре часа станут последними в её прежней жизни.

Питер

За сотни километров от этого города, в старой квартире на Васильевском острове, было тихо.

Сумерки. 2000-й год. Здесь всё ещё экономили электричество, поэтому горела только одна лампочка под пожелтевшим абажуром. За окном — затянутая льдом Нева, редкие огни на набережной.

Нина Петровна, бабушка Артура, сидела за столом и бережно перекладывала фотографии. Они лежали в старой жестяной коробке из-под печенья — единственной коробке, которую она берегла больше двадцати лет.

«Билеты», — называла она их.

— Посмотри, Боря, — сказала она мужу, поглаживая пальцем край снимка. — На этой карточке он так похож на тебя. Тот же лоб, та же складка между бровей. Глазки только грустные. Как он там, октябрь на дворе...

Дед, Борис Аркадьевич, сидел у окна и чистил картошку. Нож двигался медленно, методично — кожа падала на расстеленную газету длинными спиральками.

— Холодно там, Марин, — ответил он негромко. — И не только от погоды. Вчера я говорил с дочкой через переговорный пункт — еле пробилась, очередь была огромная. Голос дрожит. Говорит, Артур в школу на автобусе ездит один. Боится отца. Тот как заложит за воротник, так идёт права качать. В чулан его запирали уже.

Бабушка вздохнула, прижала фотографию к груди.

— Скучаю я по нему так, что сердце щемит. Ночью проснусь — и кажется, будто он в соседней комнате сопит, как маленький был. Помнишь, как мы его в зоопарк водили? Он тогда бегемота испугался, уткнулся тебе в коленку и стоял так полчаса...

Она замолчала, сглотнула.

— А комната-то пустая, Боря. Только пыль да книги твои. Мы тут в Питере, в тепле, в просторе, а родная кровь там, в тесноте и вечном страхе живёт.

Дед отложил нож, вытер руки о газету.

— Хватит, мать. Решено. Я пенсию повышенную получил, плюс на заводе задолженность за июнь выплатили. Давай так: звони завтра Лене. Скажи — забираем внука. Не в гости, не на каникулы, а насовсем.

Бабушка подняла на него глаза — в них была и надежда, и тревога.

— Ой, Боря... А дочка как? Она же без него совсем там засохнет среди этих сугробов и пьянок.

— А Лена пусть сама думает, — твёрдо сказал дед. — Она мать, она взрослая. Но пацана спасти надо. Здесь у него — Эрмитаж под боком, Дворец пионеров, школы нормальные. Мы его по театрам водить будем, в Летний сад весной, на лодках кататься. Я его на шахматы запишу в клуб Чигорина. Помнишь, как он в пять лет меня обыгрывал? Нам здесь жизни осталось — всего ничего, так хоть в него всё вложим, что имеем.

Бабушка вытерла слезу краем платка.

— Я уже и место ему присмотрела. Твой стол в угол сдвинем, лампу поставим хорошую, с зелёным абажуром, как ты любишь. Будем с ним по Невскому гулять, пышки есть на Конюшенной, в кино ходить... Лишь бы согласился, Боря. Лишь бы мать отпустила.

— Отпустит, — дед подошёл, положил тяжёлую руку ей на плечо. Сурово, но с нежностью, как он умел только с ней. — Она мать, она лучшего ему хочет. А лучше Питера для него сейчас места нет. Готовь комнату, Маша. В конце недели поеду за ним. Сам привезу, в плацкарте, будем всю дорогу в дурака резаться, в поезде это самое лучшее дело.

Он помолчал, глядя в окно на тёмную Неву.

— Лишь бы только обнять его скорее.

Урок

В этот момент Артур уже сидел за партой. Ручка, тетрадь, линейка — всё готово к уроку. За окном кружился снег. Артур смотрел на него и не слышал, как прозвенел звонок.

— Саша, к доске, — голос Марьи Ивановны выдернул его из мыслей. — Покажи нам на карте Восточно-Европейскую равнину.

Саша медленно сполз с парты, на ходу запихивая в карман вкладыши от «Покемонов», которые они только что рассматривали с Тимуром.

— А можно по учебнику? — жалобно спросил Саша. — Я карту дома... это... не доучил.

— По учебнику каждый сможет, — отрезала учительница. — Ты мне пальцем покажи. И почему у тебя дневник на прошлой неделе не подписан? Опять «забыл» у бабушки в деревне?

Саша подошёл к карте и замер, делая вид, что ищет.

— Нет, Марья Ивановна, честно! — голос у него был самый правдивый на свете. — У меня просто ручка кончилась. Гелевая, синяя. А обычные я не люблю, они мажут. Дневник поэтому и не подписан был — нечем было писать. Я маме говорил купить, а она забыла...

— Хватит зубы заговаривать, — вздохнула учительница. — Равнину показывай.

Саша зачем-то почесал затылок указкой, потом ткнул куда-то в район Якутии и уверенно сказал:

— Вот она. Большая такая.

В классе захихикали. Артур закрыл лицо рукой, чтобы не рассмеяться в голос.

— Садись, «два», — Марья Ивановна сняла очки и потёрла переносицу. — Это Сибирь, Саша. Си-бирь. Завтра без родителей в школу не приходи. И передай папе, чтобы он наконец-то вклеил твоё фото в личное дело. Третий месяц прошу.

Саша побрёл на место, бурча под нос:

— Опять предков в школу... Блин, а я только договорился с друзьями встретиться после уроков...

Артур проводил его взглядом и снова уставился в окно. За стеклом кружился снег. Ему вдруг показалось, что в этом снегу можно спрятаться. Уехать. Исчезнуть.

Прозвенел звонок, и класс ожил. Кто-то побежал в столовую, кто-то достал припасённые бутерброды. Артур остался сидеть, глядя в одну точку.

— Ты чего? — Тимофей плюхнулся рядом. — Математику не повторил? Степаныч сегодня злой, говорят, двойки в четверть ставит.

Артур пожал плечами:

— А что её повторять? Там всё равно дроби. Я их как-нибудь...

— Ну-ну, — Тимофей хлопнул его по плечу и убежал куда-то по своим делам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.